

ГАЛИНА РОМАНОВА

**ГЕРОИ
СТАРОГО КИНО**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии А. Антонова

Дизайн обложки А. Зининой

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Герои старого кино : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-251852-2

Майору полиции Виктории Соколовой звонят с сообщением, что ее племянник Степан попал под машину. Уже в больнице выясняется, что произошла ошибка: в ДТП пострадал совсем другой человек, но почему-то у него на шее был медальон Степы. А сам племянник исчез — Виктория не может его найти! По долгу службы ей приходится искать угнанный дорогой автомобиль, и это дело, похоже, связано со Степаном...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2026

© Оформление.

ISBN 978-5-04-251852-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Все действия и герои вымышлены.
Любое сходство является совпадением*

ЧАБА 1

Ему очень нравилось наблюдать. Очень долгое время, показавшееся ему вечностью, Вадим Дмитриев был прикован к инвалидному креслу. Ему приходилось через окно рассматривать зарождение нового дня, прогнозируя, каким тот будет. И он редко когда ошибался, научившись по цвету неба с восточной стороны предсказывать жару или холод, дождь или ветер. И новости центральных каналов были вовсе ни при чем. Он к ним даже не прислушивался. Ему важно было не ошибиться самому. И когда день заканчивался, полностью исключив ошибку в его прогнозах, он засыпал удовлетворенным.

Так прошло пять лет после чудовищной аварии, сделавшей Вадима инвалидом. Он почти не выбирался из дома, с удовольствием наблюдал, записывал, записи архивировал. И собирался жить так до самого своего

конца. Это тоже было занятием. Кому-то оно могло показаться скучным, но ему оно уже нравилось. Нравилось не ошибаться!

А потом с ним случился еще один несчастный случай. Вадим на предельной скорости не справился с управлением, видимо задел за бордюр и вывалился из инвалидного кресла прямо под колеса проезжающего мимо автомобиля.

Он в тот момент не сильно перепугался. Что могло быть страшнее его инвалидности? Только смерть? Так она все равно случается рано или поздно. Чего бояться?

Но организм пощадил его, лишив в тот момент сознания. Видимо, для того, чтобы он не ощущал сильной боли. И Вадим знать не знал, что водитель автомобиля не скрылся с места ДТП. Он резко затормозил, выбежал из машины. Нащупал на его шее пульс, убедился, что парень жив. Вызвал всевозможные экстренные службы. Чтобы они зафиксировали, чтобы помогли, чтобы спасли.

И Вадиму помогли. И его спасли.

— Не было, как говорится счастья, да несчастье помогло, так, парень?

Это было первое, что Вадим услышал, придя в сознание на больничной койке.

Невысокий коренастый мужчина с густой темной шевелюрой, в белой докторской форме стоял у окна и на свет рассматривал рентгеновские снимки.

— Где я? — набравшись сил, спросил Вадим.

— Ты в больнице, дружище.

— А что со мной? Что произошло?

Он попытался вспомнить и не особенно вышло.

— Ты свалился со своим инвалидным креслом прямо под колеса проезжающего автомобиля. Хорошо, что человек попался нормальный и все быстро организовал. И тебя доставили к нам уже через двадцать минут. И сразу на стол. — Доктор продолжал смотреть на снимок.

— На какой стол?

— На операционный. Не на обеденный же, — тихо фыркнул доктор. — Я таких молодых баскетболистов не ем ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин.

— А откуда вы?..

— Знаю про баскетбол? — перебил его доктор и повернулся наконец к нему. — Так тетушка твоя рассказала. Она примчалась в больницу раньше «Скорой», на которой тебя везли. Где-то живет по соседству. У тебя на шее медальон с ее телефоном оказался. Дядечка, которому ты под колеса свалился, позвонил по этому номеру. Сказал, куда тебя повезут — в какую больницу. Она и сорвалась. Хорошим человеком мне показалась твоя тетка, Вадим. Н-да...

Доктор тяжело прошелся по палате, схватил от стены стул, подтащил к его больничной койке. Сел и с интересом посмотрел на пациента:

— Ну! С чего тебе начинать рассказывать?

— В смысле?

Он никак не мог сосредоточиться. Все размышлял. Потому что у него не было никакой тетки. И никакого медальона на шее у него не имелось тоже. Что это вообще такое? Что за легенды?

У него была девушка, да. Но за пять лет его пребывания в инвалидном кресле она как-то подустала и куда-то подевалась. Поначалу еще забегала, заносила продукты. Потом вовсе пропала. И он научился справляться со всем в одиночку. К нему приходили сотрудники социальной службы, помогали с уборкой, стиркой, приносили лекарства. Продукты ему привозила служба доставки ближайшего магазина. Он за пять лет подружился там со всеми. Готовил себе нехитрую еду. И...

И никакой родной тетки за минувшие пять лет не видел. Ее и не было! Родители его погибли в той самой аварии, в которой он приобрел инвалидность. И...

— В общем, Вадим, у меня для тебя две новости, — вклинился в его мысли голос доктора.

— Плохая и очень плохая? — криво улыбнулся Вадим.

— Нет... Хорошая и не очень хорошая. С какой начинать? — Доктор тряхнул перед ним рентгеновским снимком. — Начну с хорошей. То, что с тобой вчера случилось, оказало хорошую услугу твоей застарелой травме. В твоём позвоночнике кое-что сдвинулось, кое-что вернулось на свои места, и у тебя появилась надежда снова встать на ноги, Вадим.

Он попытался приподняться на локтях, но острая боль в спине вжала его в койку. Вадим застонал, зажмурившись.

— Не спеши, — похлопал его по плечу доктор. — Всему свое время.

— Хорошо. — Он часто подышал, восстанавливая сердцебиение. Приоткрыл глаза. — А не очень хорошая новость?

— Не очень хорошая... Тебе предстоит еще минимум две операции. А потом долгий реабилитационный период. Будешь заново учиться ходить. Готов к испытаниям?

Он кивнул. Просто кивком подтвердил свое желание, потому что горло перехватило. Говорить не мог. Что он мог рассказать доктору о своих желаниях и мечтах?

Что в нем было столько жажды хватать эту жизнь руками? Глотать, захлебываясь, воздух улиц? Он так долго, так безнадежно долго сидел в инвалидном кресле возле окна, встречая рассветы и провожая закаты, что

долгая реабилитация для него и не испытание вовсе, а подарок судьбы.

— Вот и отлично. Пока отдыхай. А потом обсудим график.

Доктор встал со стула. Вернул его на место — к стене. Возле двери притормозил.

— Медсестра вернет тебе твой телефон. Свяжись со своей теткой, пожалуйста. Она что-то после первого визита не спешит тебя навестить. А мне надо задать ей несколько вопросов. И получить ее согласие на предстоящие операции. Она ведь твой опекун? Я правильно понял?

Вадим кивнул, ничего вообще не понимая. Но вдруг сообразил.

— Вы, пожалуйста, верните мне мой медальон с ее номером телефона.

— Так она его забрала, — недоуменно поднял кустистые брови доктор.

— Тогда номер ее мне продиктуйте, пожалуйста. Его точно нет в моем телефоне. — Вадим виновато улыбнулся. — Так получилось... А еще лучше — пусть медсестра его туда вобьет. Хорошо?

— Хорошо, — удивленно глянул доктор и ушел.

Минут через двадцать к нему вошла медсестра, вкатывая тележку с медикаментами. Поменяла ему лекарство в капельнице. Поставила сразу три укола. Вытащила его телефон из кармана и положила на тумбочку.

— Номер вашей тети я вбила, — отчиталась она с серьезным лицом. — Через три часа поменяю капельницу. Отдыхайте. Обед вам велено пропустить. Ужин принесу.

— А воды можно?

— Воды можно. Принесу, — пообещала она и ушла, толкая ладошкой каталку с лекарствами перед собой.

Стоило ей выйти, Вадим сразу схватил с тумбочки телефон. Открыл журнал звонков. Самый верхний номер принадлежал неизвестной ему женщине. Медсестра записала ее Викторией.

Он тут же ткнул пальцем в телефонную трубку на дисплее. Неизвестная ему Виктория долго не отвечала. Наконец отозвался недовольный женский голос с легкой хрипотцой:

— Слушаю!

— Добрый день, Виктория, — ответил Вадим и неожиданно почувствовал страшную слабость. — Простите, мы незнакомы. А все в больнице уверяют — и доктор, и медсестра — что вы моя тетя. Видимо, произошло какое-то недоразумение, и я хотел бы...

— А, самозванец, — перебила она его странно грустно. — Тот самый, который остался в живых после аварии на перекрестке Мичурина и Летней. Так?

— Так. Остался в живых. А вам этот факт кажется не очень... — Он поискал слова, но

мысли путались от слабости. — Кажется не очень приятным?

— А что приятного в том, что на твоей шее оказался медальон моего племянника? Кстати, как он там оказался?

— Не знаю. Когда я выбирался из дома, никакого медальона на моей шее не было. И это точно. Потом все помню урывками. Но про медальон — ничего не помню. А кто он — ваш племянник?

— Мой племянник... — Она молчала недолго, потом начала говорить зло и хлестко: — Этот великий сраный оболтус! Он сворачивает мне кровь уже три года. Такой вот достался мне подарочек от непутевой сестрицы, упокой, Господи, ее душу!

— Вы его тетя? Все же вы его тетя?

— Его, его тетя, не твоя. Хотя я тебя немного знаю. Мы живем неподалеку. И я видела тебя в коляске на улице и в парке напротив дома. Слышала про аварию несколько лет назад. Про гибель твоих родителей. Про твою инвалидность слышала и видела. И про то, что ты раньше был баскетболистом, — фыркнула она выразительно. — Я примчалась по звонку виновника ДТП, пребывая в твердой уверенности, что мой раздолбай племянник опять попал в какую-то гадкую историю.

— Он в них попадает? В истории?

— Периодически! — повысила голос Виктория. — Я примчалась, а на месте моего пле-

мянника какой-то высокий мускулистый парень в инвалидном кресле. Точнее, на тот момент ты валялся под колесами авто. Вот знаешь, если бы я лично не отсмотрела десятки раз запись с камеры наружного наблюдения, я бы точно подумала, что мой засранец все это придумал.

— Что? Что он придумал? — Вадиму разговор стал казаться каким-то нечистым, нехорошим. — Что колесо моей инвалидной коляски наедет на бордюр, я не справлюсь с управлением и вылечу на проезжую часть? Извините, но мне кажется, вы бредите.

— Согласна, — вдруг произнесла она с грустью. — Так себе версия. К тебе никто не подходил, не толкал, не пытался вытащить из-под колес. Только спасатели. Среди них не было никого, кто бы знал моего племянника. Я всех опросила.

— Вы? Опросили? Вы из полиции, что ли? — начал немного прозревать Вадим.

— Так точно, гражданин потерпевший — Вадим Сергеевич Дмитриев. С вами говорит майор полиции Соколова Виктория Степановна, — отрапортовала она. — И у меня — лично для меня — скверные новости. Кажется, мой идиот племянник снова куда-то встрял. И на этот раз серьезно. Потому что я его уже неделю считаю пропавшим без вести. А его медальон на твоей шее. Странно, да?

ЧАВА 2

— Вика, ты просто чокнутая овца!

Указательный палец ее парня с силой протыкал воздух в метре от ее лица. И она лениво подумала, что если этот палец сократит расстояние, то она его непременно сломает. И пусть ее парень вое, ноет, пишет на нее жалобы во все инстанции, палец она ему сломает. Потому что не фиг размахивать им перед ее лицом. Да еще с такой силой.

Вообще-то, парень этот, по имени Гена, стал ее бывшим вчера в обед. До этого, как говорится, ничто не предвещало. Все было ровно в общении, страстно в койке, умеренно терпимо в быту. И вот вчера в обед все и случилось.

Она была на службе, отрабатывала на адресе очевидцев повреждения на парковке дорогой иномарки, когда ей позвонил незнакомый гражданин и наговорил такого...

— Я сбил парня, — нервно заявил он по телефону. — Нечаянно. Он под колеса упал. Сам виноват.

— Допустим, — отозвалась она рассеянно. — Мне зачем об этом знать?

— Потому что у него на шее медальон, там ваш номер телефона. И еще выбито: позвоните моей родной тетке. Вот я вам и звоню!

— Адрес! — громко выкрикнула она, перепугав стайку опрашиваемых старушенций.

Мужчина назвал адрес. Она и помчалась, нарушая все мыслимые правила проезда, по дворам. Доехала рекордно быстро. Сразу увидела место ДТП, но вместо своего племянника, которого она и ругала по дороге, и жалела, обнаружила парня-инвалида из их микрорайона.

Лично с ним Вика не была знакома, но печальную историю его жизни слышала. И иногда видела, как он едет по улице в своей инвалидной коляске. Но в основном это случалось в теплое время года. Осенью, зимой и ранней весной парень безвылазно сидел дома. И она частенько с улицы замечала его возле окна — третий этаж не так уж высоко, а парень был рослым, в прошлом баскетболист.

Вика не стала ничего отрицать, опровергать и даже вызвалась сопроводить машину «Скорой» до больницы. Надеялась, что парень придет в себя и откроет ей секрет: откуда, мать его, у него на шее медальон ее непутевого племянника. Пока ехала, позвонила в отдел и попросила сбросить ей данные на этого баскетболиста. Надо же было в больнице называть его как-то!

Ребята прислали данные, их она назвала в больнице. Но к нему ее не допустили. Вадима Дмитриева сразу отправили на операционный стол.

— Вам лучше уехать. Отдохнуть, — с сочувствием смотрела на Вику медсестра приемного покоя.

Вике очень хотелось нагрубить ей, послать куда подальше. Просто потому, что она сама ни хрена не понимала: что происходит? Где ее непутевый племянник Степка? Что за игры с медальоном?

Он же сам это придумал, напившись однажды какой-то паленой дряни и отключившись под кустом. Его тогда отправили в обезьянник, где он ничего толком не мог рассказать о себе. И долго не мог — целых два дня. А она эти два дня сгорала от тревоги. Вот он и придумал медальон с ее контактами. И не расставался с ним уже скоро как год! И вдруг...

— Вам лучше пойти домой, — настойчиво выпроваживала ее медсестра приемного покоя.

— Спасибо, — с трудом пропихнула сквозь стиснутые зубы Вика и поехала домой.

На службу возвращаться смысла не было. Время шло к обеду. Приехать, чтобы пойти в столовку? У нее дома кастрюля мясных щей со щавелем — ее любимых. И сметана есть. И хлеб подовый. И яйца вареные. Полный комплект для вкусного обеда. И от дома она совсем близко. Заедет, пообедает, потом на службу вернется.

Заехала!

Характерный хор стонущих особей мужского и женского пола она услышала еще перед дверью на лестничной клетке. Потому

и открывала дверь со всеми предосторожностями. Чтобы не спугнуть тварей. А вот потом!..

Потом была жесткая расправа. Девушка верещала, собирая белье по полу и получая от нее подзатыльники. Гена валялся на полу, свернувшись эмбрионом. Получил под дых...

Сегодня она вызвала его за вещами. Не могла существовать рядом с его шмотками. Все время на них натывалась.

— Или выводишь сейчас из квартиры. Или собираешь вечером по двору, — пригрозила Вика, позвонив изменнику.

Он примчался. Вещи собрал. И вдруг начал что-то выяснять. Как-то пытаться оправдаться. Ну глупо же!

— Вика, ты слышишь, что я тебе говорю?! — надрывался Гена, продолжая протыкать воздух в метре от ее лица своим указательным пальцем.

— Что? — Она намеренно шагнула вперед, чтобы сократить расстояние.

Но гаденыш перепугался и отступил.

— Ты тяжелейший человек в мире, Вика! Ты неподъемная глыба! Ты бетонная плита! Как же я устал от тебя! — продолжил он орать, но конечности убрал от ее лица подальше.

— Теперь отдохнешь, — с вызовом вскинула она подбородок. — И от меня. И от квартиры моей просторной отдохнешь, куда ты,

сволота такая, регулярно баб водил, пока я служила верой и правдой своей стране.

— Ложь! — оскорбился он фальшиво. — Кто тебе сказал?

— Привести всех свидетелей? Или показать тебе запись с камеры, которую я тайно установила дома? — врала без зазрения совести Вика.

— Камеру?! — ужаснулся Гена и побледнел. — Ты за мной следила по камере?!

— А как же!

Вика на всякий случай убрала руки в задние карманы джинсов, чтобы не надавать по морде Генке сразу же. От греха, как говорится, подальше убрала.

— Тогда ты... — Он быстро отступал к входной двери, успев по пути подхватить свои дорожные сумки, туго набитые вещами. — Тогда ты должна знать, что я ни при чем!

— Ну да, ну да, телки сами тебя домогались. А ты, бедненький...

— Хватит, Вика, — смиренно повесил голову ее бывший парень. — Хватит о бабах. Тут, каюсь, изменял тебе. В твоей же хате, да. Мерзавец я. Можешь меня за это ударить.

А вот зря он позволил. Зря так сказал. Она ведь ударила. Не выпуская рук из карманов джинсов, Вика сделала резкий выпад ногой и ударила Гену прямо в самое сокровенное

его место. И сумки он выронил, и сам упал на пол, больно стукнувшись коленями. И завыл.

— Напросился, — ответила Вика кратко.

— Ну я же фигурально. Какая же ты овца, Вика! — ныл Гена и ежился на полу.

— Ты фигурально, а я ногой.

Она присела перед ним на корточки, схватила пальцами за подбородок, задрала его голову так, чтобы глаза Генкины были как раз напротив.

— Итак... Что ты хотел мне сообщить?

— Ничего, — задохнувшимся голосом ответил Гена.

— Ты сказал, что я должна знать, что ты ни при чем. А кто при чем? В чем — при чем? О чем разговор вообще, а?

— Отстань, — попросил он.

— Не-ет. Или ты мне все рассказываешь, или схлопочешь еще раз. Но уже будет синяк. А тебе при твоей работе синяки противопоказаны.

Гена работал менеджером по продаже автомобилей в большом автомобильном салоне. Работал с трех дня, утро у него всегда бывало свободным. И вот он, как обнаружилось, пользовался этим временем на всю катушку. На работу он тщательно одевался. Каждый день свежая белоснежная рубашка. Чистые выглаженные брюки. Начищенные ботинки. И уж конечно, никаких грязных ногтей или синяков на лице.

Угроза подействовала. Он оторвал ее пальцы от своего подбородка, уселся на полу, привалившись к стене. Подышал протяжно. А потом сказал:

— Я про твоего Степана.

— Про племянника? — будто удивилась Вика, хотя внутри все до невозможности сжалось. — А что с ним не так?

— Ладно, Вика, придуриваться, — фыркнул Гена злорадно. — А то ты не знаешь о проблеме!

— О какой конкретно проблеме идет речь, Гена? — Она резко встала, заставив его вжаться спиной в стену. — Жажду подробностей.

— Твой Степка попал в настоящее дерьмо. Причем по самые уши. Ты вот когда его в последний раз видела, а? Молчишь?

Вика посчитала и ответила, что три дня назад. Хотя уже было семь с сегодняшним.

— Врешь, малыш, — сразу распознал ее прием Гена. — Его нет уже неделю.

— Откуда такая осведомленность? Неделю назад он готовил мне ужин и рано лег спать. Это когда ты уехал по делам. Теперь понимаю, по каким именно.

Это было правдой. Степка неделю назад приготовил ужин. Макароны сварил и на сковородке обжарил их с тушенкой. А потом написал ей, что спит. Чтобы она его не будила и в комнату не совалась. Она и не сунулась.

Макароны поела, душ приняла и спать легла. Умоталась по службе.

— Не было его тем вечером дома, Вика. — Гена встал, хотя и морщился, и постанывал. — Да, он готовил что-то. Помню, ты мне говорила. Но потом он из дома ушел. И встретился со своими друзьями. И они... Они угнали машину.

— Откуда ты знаешь?! — Она почувствовала, как ноги слабеют и перехватывает дыхание.

— Я видел процесс. Был в том доме, где парковка. Да, да, не смотри на меня так! Я со-
врал насчет поездки по делам. Я был с девушкой, с хорошей знакомой, коллегой. У нее на квартире. Вышел на балкон подышать воздухом... — Он запнулся, поймав ее взгляд. Поежил. — Я все честно тебе рассказываю. Мы ведь с тобой теперь не вместе. Уже не пара.

— Что ты видел с балкона? — перебила она его.

— Их было двое. Один из них Степка. Вторым — его дружок. Заходил как-то сюда за ним. Я его срисовал. Они сначала крутились вокруг дорогой тачки. Ходили вокруг нее, сканировали, видимо. Я же не знаю точно, я не угонщик. Потом дверь открыли, «сигналка» не сработала. Сели и уехали. Девушка, с которой я... Ну у которой я...

— Не суть, что именно — которую ты что-то там! Дальше!

— Она, в общем, тут же позвонила в полицию. Оказалось, что видела все из кухонного окна. Она описала приметы. Но по ним никого не удалось опознать. А камеры в тот день во дворе не работали. И вот теперь Степку ищет и полиция, и... И бандиты, Вик.

У нее свело лицо от страшного предчувствия беды. Теперь самой настоящей, опасной беды. Это не хулиганка с разбитым окном у соседки с первого этажа. И не вытоптанная клумба. И даже не беспамятство под кустом в луже собственной блевотины. Это...

— Почему бандиты? — мотнула она головой, приводя себя в рабочее состояние полицейского, для которого ничего личного, только служба. — Он умыкнул тачку у бандитов?

— Нет. Тачка не была бандитской. Или была, точно не знаю. А вот в тачке могло быть...

Гена сделал скорбное-прискорбное лицо, подхватил сумки. И на всякий случай открыл дверь пошире. Решил, что она не станет его лупить при возможных свидетелях. Идиот! В это время на их лестничной площадке не было никого. И в квартирах — двух других — тоже. Все соседи на работе. Так что ввалить ему она могла запросто.

Но это потом.

— Стоять, Гена, — громко приказала Вика и на всякий случай схватила его за воротник тонкой пижонистой куртки. — Что было